

Смерть Бертольда Брехта — жестокая потеря для искусства. С уходом этого смелого художника-искателя в драматургии и театре Германии остается место, которого никто не может занять. Международный театральный мир с горечью почувствует эту внезапную утрату.

Брехт был мастером социальной тематики, как драматург и поэт. Он был мастером социального зрелища, как режиссер. Драматургия и режиссура были в нем слитны.

Единство вдохновения писателя и темперамента постановщика было обусловлено раз навсегда избранной им целью — создать зрелище современной нам общественной борьбы. Исторические и злободневные сюжеты были одинаково дороги ему, если они выражали борьбу классов. Он никогда не боялся политики в искусстве. Наоборот, он подходил к политике, как к самому обычному предмету искусства. Он знал, что, лишая драму политической окраски, он лишал свое искусство социального воздействия.

Разумеется, Брехт начала двадцатых годов по содержанию своей драматургии отличен от Брехта наших дней. Эпоха потрясений, войн и революций была его школой. Он не страшился проходить эту школу, и прямота его идейных решений была не менее смелой, чем прямота художественных взглядов, оригинальность которых он защищал с боями.

Три периода жизни Брехта в искусстве будут всегда отмечаться критикой. Он был беспощаден к абсолютизму и мешанинству во времена Веймарской Германии. Был бесстрашным борцом с гитлеризмом в годы своих скитаний. И стал верным и добрым поэтом рожденной после второй мировой войны Германской Демократической Республики. В его труде художника эти три ступени нашли богатое воплощение.

Что было неповторимой особенностью Брехта, как театрального деятеля?

Жизнь сцены была тем планктоном, который питал и насыщал Брехта в его неунынных поисках писателя.

Его кабинет драматурга был и началом, и продолжением сцены. Стихия сотрудничества господствовала во всем творчестве Брехта. Свои открытия, изобретения он никогда не осуществлял в одиночку, — он

проверял, ломал, изменял, дополнял их с помощью, с участием друзей, актеров, художников, режиссеров, музыкантов, литераторов. Мне не один раз доводилось видеть Брехта, когда он работал над новой пьесой или готовил новый спектакль. Он всегда кого-то ждал, кто-то должен был явиться, или он бывал уже окружен своими сотрудниками, либо беседовал с кем-

нибудь за рукописью, обложенный переплетенными листами бумаги. Его загородная рабочая комната удивила меня однажды своими размерами и пустотой: в разных углах стояли одинокие столы и стулья. Брехт сказал:

— Это для сотрудников. Мы должны лучше видеть, что делаем для сцены, поэтому нам нужно много места.

Труд драматурга был для него трудом театрального постановщика: в драме уже заключался будущий спектакль, а спектакль мог хорошо заранее увидеть в рукописи только коллектив. Поэтому кабинет драматурга становился для Брехта лабораторией со множеством ассистентов.

Чем же становилась для него сцена, когда пьеса превращалась в спектакль? Она делалась ареной сотрудничества со зрите-

лем. Коллектив труппы работал на проверку себя зрителем еще до выхода спектакля. Мост между сценой и залом существовал уже до того, как кресла впервые заполнялись публикой.

И больше того — зритель вовлекался в сотрудничество и над самой драматургией. Брехт рассказывал мне недавно, как ему удалось постепенно заинтересовать в разработке пьесы крестьян одного кооперативного хозяйства, строившего плотину: они были приглашены сначала на просмотр спектакля, стали оспаривать отдельные положения и эпизоды, он подзадорил их вопросом: «а как у вас?», они заставили театр приехать к ним и посмотреть их жизнь, затем Брехт попросил их совета, как изменить эпизоды, и вот тогда началось совместное творчество труппы со зрителями-крестьянами. Брехт сказал мне со своей тихой, чуть лукавой улыбкой:

— Они думали, что только помогают нам. На самом деле, незаметно для себя, они стали также помогать своему хозяйству. Им было неловко перед театром: с них пшут представление и про них играют актеры, а с плотинной в деревне дела идут не очень похвально. Приходится подтянуться... Таким путем, оказывается, искусство тоже может влиять на жизнь...

Эта работа Брехта характерна по своему стилю для действительно смелых его поисков в коллективном труде драматурга, актера, зрителя над созданием новых форм театрального искусства. Об индивидуализме Брехта приходится так часто слышать от театроведов и критиков. Но этот «индивидуалист» всю свою деятельность строил на широком, живом сотрудничестве с массами разнообразных коллективов и не только не чужался «чужого» голоса советчика, но жадно слушал его и сам непрерывно окружал себя людьми совета.

Бертольд Брехт мечтал показать свой театр советскому зрителю. И необыкновенно грустно, что теперь, когда намечается поездка его труппы, он сам не может уже услышать на московской сцене музыку и речь, увидеть краски своих спектаклей.

Но его театр, его драматургия и поэзия, его труды по теории и педагогике — все наследие этого искателя и превосходного, мощного таланта — будут, конечно, жить и жить.

Конст. ФЕДИН

* * *

Бертольд Брехт пришел в литературу в конце второго десятилетия нашего века. В ноябре 1918 года двадцатилетнего Брехта избирают членом аугсбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, он принимает активное участие в германской революции. В двадцатых годах Брехт сближается с германской компартией. В годы Веймарской республики он выступает с разоблачением гитлеризма, предупреждая против надвигающейся угрозы фашизма.

Творческая деятельность Брехта не ограничивалась только рамками литературы — он был одним из замечательнейших режиссеров и теоретиков сцены нашего времени. Созданный им театр «Берлинский ансамбль», где участвуют лучшие немецкие актеры, пользуется популярностью не только в Германии, но и за ее рубежами.

Творческий путь Брехта был сложным. В юности он испытал на себе и влияние декаданса. Однако все усилия Брехта-художника были посвящены именно борьбе с упадочничеством, борьбе за создание нового искусства. Искания Брехта, как драматурга и режиссера, при всей их спорности порою, так интересны и значительны, что критика говорит о «драматургии Брехта» и о «театре Брехта».

Уже в ранних пьесах двадцатых годов «Барабанный бой в ночи», «В чаще городов», в драматургическом памфлете «Что тот, что этот» Брехт показал себя как сатирик, берущий под обстрел устои капиталистического общества. Огромным успехом у зрителей пользовалась его пьеса, написанная по мотивам произведения Горького «Мать».

После прихода гитлеровцев к власти писатель вынужден был покинуть пределы Германии, но и за ее рубежами он был в первых рядах борцов антифашистского фронта. В пьесе «Ружья тетушки Каррар» Брехт запечатлел героизм испанского народа в борьбе против фашизма. В памфлете «Остроголовые и круглогловые» Брехт вскрыл методы, которыми расисты отравляли сознание масс. Широко известна его пьеса «Матушка Кураж и ее дети», она не сходит со сцены и по сегодняшний день. В период, когда гитлеровцы готовились к разбойничьим походам, Брехт на материале Тридцатилетней войны изобразил неисчислимые страдания, которые несет война простым людям. Драма «Матушка Кураж и ее дети», написанная в 1938 году, прозвучала как предостережение, обращенное к немецкому народу.

Свое огромное сатирическое дарование писатель раскрыл в пьесах-миниятурах «Страх и нищета третьей империи», где в ярких, гротескных образах заклеил трусов и обывателей, капитулировавших перед фашистским режимом.

Антифашистский пафос творчества Брехта, его «умение превращать правду в бое-

вое оружие» снискали ему ненависть международной реакции. Когда Брехт оказался в США, ему предъявили обвинение в «антиамериканской» деятельности, он вызвался на допрос в комиссию конгресса в Вашингтоне.

Бертольд Брехт, отдавший столько творческих сил театру, был не только выдающимся драматургом, но и одним из крупнейших поэтов современной Германии. Многие его стихи стали массовыми песнями. Весь пролетарский Берлин, вся рабочая Германия знали знаменитую «Песню единого фронта».

И так как ты рабочий,
То не жди, что нам поможет другой:
Себе мы свободу добудем в бою,
Своей рабочей рукой!
Марш левой! Два! Три!
Марш левой! Два! Три!
Встань в ряды, товарищ, к нам!
Ты войдешь в наш единый
рабочий фронт,
Потому, что рабочий ты сам!

(Перевод С. Волотина и Т. Сикорской)

В своих стихах Брехт заклеил фашистских мракобесов, палаческие преступления гитлеризма («Гитлеровские хоралы», «Баллада о дереве и ветвях»). Он создал патетические стихи о беззаветном мужестве коммунистов («Хвала партии», «Послание товарищу Димитрову», «Борцам, заключенным в концлагере» и другие). Замечательны те стихи, где он выступает как борец за мир, как страстный противник войны.

С особой любовью и гордостью поэт писал о первой стране социализма — о Советском Союзе, о героическом советском рабочем классе («Великий Октябрь», «Эпитафия Горькому», стихи о московском метрополитене и другие). Обращаясь к вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину, Брехт написал одно из самых прекрасных своих стихотворений «Непобедимая надпись».

Революционная, боевая, гуманистическая поэзия Брехта пронизана верой в торжество великих идей социализма:

Но придет и наше время, и тогда
Будет конечно с нужною надеждой.
Поджигателям войны — пошадь нет!
Пусть над нами вьется знамя —
красный цвет.

(«Песня о будущем», перевод С. Кирсанова)

Поэзия Брехта отличается замечательным разнообразием. Поэт владеет и строгой формой классического сонета, и ритмами баллады, и белым стихом, сознательно приближая поэтическую речь к простоте народного разговорного языка.

Как прозаик, Брехт завоевал признание читателя знаменитым «Трехгрошовым ро-

маном». Его проза отличается все тем же сатирическим блеском и искрящимся юмором. В гротескных образах романа выведены целая галерея предпринимателей, чиновников, аристократов, банкиров, связанных общей цепью грязных преступлений.

С большим мастерством написаны и так называемые «Рассказы из календаря» — исторические новеллы, где Брехт дал реалистические картины прошлого, трагические страницы из эпохи завоевательных войн и религиозных распрей, образы рядовых, маленьких людей и образы великих гуманистов — Сократа, Джордано Бруно.

Брехт никогда не отделял свою творческую работу от общественной деятельности. Он был активным строителем новой, демократической Германии. В сентябре 1951 года он опубликовал «Открытое письмо немецким деятелям искусств и писателям», в котором призывал всех представителей немецкой культуры объединить свои усилия в борьбе против опасности третьей мировой войны. Свой призыв он закончил обращением к историческому уроку: «Три войны вел великий Карфаген. Еще могущественный после первой, он сохранил лишь своих жителей после второй. После третьей войны от него не осталось и следа».

Литературная и общественная деятельность Брехта нашла высокое признание у всех людей доброй воли: в 1954 году он был удостоен международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Совсем незадолго до смерти писателя голос Брехта снова прозвучал на весь мир. Он обратился с открытым письмом к боннскому бундестагу, предупреждая его о трагических последствиях, которые повлечет за собой введение всеобщей воинской повинности в Западной Германии. В этом письме Брехт напоминал: «В дни моей молодости в Германии существовала воинская повинность, и началась война, которая закончилась поражением. Воинская повинность была отменена, но, уже будучи взрослым человеком, я стал свидетелем того, что ее ввели снова, и началась вторая война, еще более кровопролитная, чем первая. Германия снова полностью проиграла и эту войну, и воинская повинность была отменена снова. Те, кто ввел ее и не успел скрыться, были повешены по приговору суда народов. Теперь, на пороге старости, я узнаю, что воинскую повинность собираются ввести в третий раз. Против кого будет направлена третья война?..».

Слова Бертольда Брехта были услышаны миллионами людей в Германии, ведущими борьбу против возрождения германского милитаризма. Его смерть глубоко опечалила всех, кому дорого народное, прогрессивное, революционное искусство.